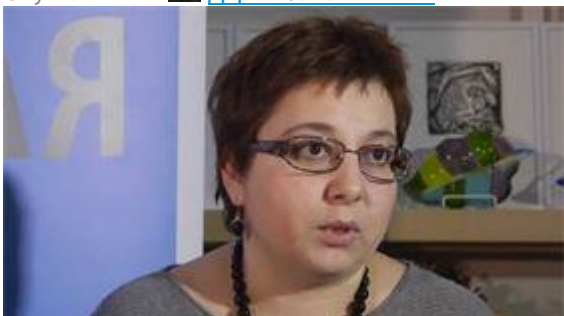

Нюта Федермессер: «Три года, три гребаных года, чтобы зарегистрировать форму препарата, которая давно есть во всем мире!»

- [Мнения, дискуссии](#)
- 31 июля 2018 14:28

- Опубликовала [Дарья Филимоновна](#)

Записала Елена Янкелевич

Важнейшая вещь, которую надо понимать – громкое дело Екатерины Конновой, матери неизлечимо больного ребенка, которую пытались привлечь к ответственности за попытку продать микроклизмы с обезболивающим препаратом, это не единственный случай. Это не эксклюзивная проблема и, увы, не что-то из ряда вон выходящее.

Единственное, что делает этот случай уникальным, – это моральные качества сотрудника полиции, который засел на этом мамском форуме и вычислял, кто из мам умирающих детей первой скажет, что у нее остался препарат, и предложит его передать кому-то, или кто сам попросит за своего ребенка. Надеюсь, что таких в МВД немного.

А мне очень важно и даже расстраивает, что интерес СМИ к открытым реанимациям выше, чем интерес к этому случаю. Потому что позитивная новость – это, конечно, хорошо, но история с этой мамой – это иллюстрация несовершенства нашего законодательства по обороту наркотиков.

Во-первых, подумайте, как это важно, когда человека, в действиях которого с точки зрения законодательства действительно содержится состав преступления, отпускают под давлением общественности. Все говорили: войдите в ее обстоятельства, несчастная женщина, ее нельзя за это осуждать!

Вникните с точки зрения закона! Она действительно нарушила закон. Но ужас весь в том, что она – не единственная. Что это тысячи мам, которые в зоне риска. Про каждую ли маму ли мы узнаем, про каждую ли поднимем такой шум в СМИ, чтобы ее отпустили под нашим с вами давлением? И вообще, что это говорит о нашей судебной системе, когда вот так можно принять решение? Если с человека можно таким способом снять обвинение, точно так же можно на него обвинение и повесить! И, увы, это происходит сплошь и рядом.

Разбирая этот случай, важно понять, что многие люди из нашей страны ездят лечиться за рубеж. Вне зависимости от результата лечения, обратно домой они привозят разные препараты. И после лечения близкого, – ну давайте не будем говорить, что он умирает, давайте говорить, что он выздоровеет, – нередко какая-то часть препаратов остается. Этими препаратами зачастую могут оказаться опиоидные анальгетики. Привозят ли их из-за границы? Да, привозят. Не надо говорить, что это не так. Потому что если врач назначил тебе этот препарат, если у тебя есть подтверждение, что этот препарат для тебя, то препарат может быть ввезен в страну совершенно легально.

Привозят и средства против эпилепсии, которые очень многим паллиативным больным нужны, это ректальный диазепам, в том числе. И препараты привозят в тех лекарственных формах, которых в России нет. Понимаете, один и тот же препарат может выпускаться в разных формах. Форма может быть инъекционная, таблетированная, в виде свечей, сиропа, назального спрея.

Понимаете, жаропонижающее для детей, например, у нас в аптеках можно купить и в сиропе, и в таблетках, и в свечах. Но в России сегодня нет таких удобных для детей форм сильнодействующих обезболивающих и противосудорожных препаратов. А чтобы они появились, у фармацевтов должна быть уверенность в том, что есть рынок сбыта. Иначе невыгодно. А чтобы был рынок сбыта, медики должны знать, как назначать. А для этого их надо обучить. Но и когда врачи поймут, сколько нужно препаратов и в какой форме, по нашему законодательству необходимо с нуля проходить все клинические испытания, даже если в мире такие лекарственные формы давно используются. Да, нужно проходить весь путь для регистрации и апробации этого препарата. Три года, три гребанных года, чтобы зарегистрировать форму препарата, который давно есть во всем мире, и формула которого в России уже давно одобрена и существует! А без него тысячи детей страдают и умирают в мучениях!

И да, мамы привозят препараты. И не только мамы – мужья и жены, братья и сестры, бабушки и дедушки. И когда остается что-то, и этот препарат им уже не нужен, они его никогда не выкинут. Они знают, чего стоит получение этих препаратов. Они будут думать – а вдруг кому-то пригодится!

Должна сказать, что лично мне поступает несколько таких обращений в неделю: у нас осталось, возьмите пожалуйста. И я не беру, потому что я понимаю, что это уголовное преступление. Передача препарата – это сбыт, от четырех до восьми лет тюрьмы по статье 228.2 УК. У меня каждый раз сердце кровью обливается, когда я говорю: нет, не возьму.

Но, во-первых, я не знаю: может быть за этим прячется вот такой вот прекрасный сотрудник полиции, а не реальный человек. Во-вторых, занимая должность, которую я занимаю, я сознаю ответственность и риски.

Но да, почти в каждой семье с паллиативным больным ребенком есть или трамадол в каплях, или ректальный диазепам в микроклизмах, или пластыри, незарегистрированные в России, или другие обезболивающие препараты, и мы ходим на дом в семьи с выездной службой и видим это. И вы знаете, я считаю, что невнесение изменений в наше федеральное законодательство по регистрации лекарственных форм является фактором, существенно влияющим на незаконный оборот медицинских наркотиков. Наше сегодняшнее законодательство провоцирует близких родственников тяжело больных детей и взрослых на совершение преступлений.

Именно сегодняшняя наркополитика создает условия для ареста и суда над людьми, которые вынуждены таким образом облегчать страдания своих близких. А ведь нет никаких сложностей – страна, вон, Олимпиаду провела, почти за пять лет все построили в городе Сочи. И при этом в стране нет возможности изменить три закона, три гребанных закона!

Это 61-й федеральный закон, в который можно было бы внести изменения, предусматривающие ускоренную процедуру регистрации новых лекарственных форм тех препаратов, которые в России уже есть.

В 3-ФЗ нужно развести понятия пропаганды наркотиков и информирования о наркотиках. Потому что если мы с вами говорим про наркотики, и я вам начну рассказывать про пользу морфина, то с точки зрения законодательства – это пропаганда. А ведь если вы пациент, а я сотрудник благотворительной организации, работающей в этой сфере, и я вам говорю, что не нужно бояться морфина, потому что с вашей сильнейшей болью у вас не разовьется зависимость, но зато уйдет боль, то в данной ситуации я не пропагандирую использование наркотиков – я забочусь о качестве вашей жизни. Потому что если вы с огромным болевым синдромом будете принимать сильнодействующие препараты, и вам не будет больно, то

качество вашей жизни улучшится, а значит, и ее продолжительность возрастет. А еще качество жизни всех ваших близких станет лучше.

Фонды «Вера» и «Подари жизнь» неоднократно посылали свои предложения по изменению законодательства и в Минздрав, и в МВД, и в Минюст. А впервые об этой проблеме я заговорила в 2015 году на прямой линии с [президентом России Владимиром] Путиным, когда я рассказала, что в Москву приехала девочка из Дагестана, Аминат, и она умирает без обезболивания. Надо было еще тогда начать решать этот вопрос! Я все время говорила – чего вы ждете? Когда кто-то попадетсЯ? Когда кого-то арестуют? За это никого не арестовывают, говорили мне. Вот, мы дождались.

Окей, за четверо суток ситуацию разрешили, с мамы сняты обвинения, дело закрыто. Но поверьте мне – эта мама в Москве, она взаимодействовала с фондом «Вера» и с «Домом с маяком» – детским хосписом. И мы про нее знаем. А про скольких мы не знаем? А про скольких врачей мы не знаем?

Ну вот, например, если у пациента сильный болевой синдром, и это пациент, уходящий из жизни, врач передает ему оставшуюся от кого-то ампулу или таблетку. Снимает боль. И только после этого, обезболив человека, начинает заниматься бумажками, выпиской рецепта. Это же преступление с точки зрения законодательства сегодня, понимаете? Преступление, за которое врач должен быть наказан! Хотя на самом деле, врач должен получать за это благодарность. И от семьи пациента, и от своего руководства. За то, что он интересы пациента ставит выше бумажной деятельности.

Мы должны оценивать профессиональные качества врачей, их способность к состраданию... но законодательство не позволяет нам такой роскоши...

А сколько есть врачей, которые, зная, что в их жизни появится подобная ситуация, знаете, что делают? Я сейчас выдаю профессиональные секреты. Они назначат пациенту в стационаре чуть больше, чем нужно, а потом спишут препарат и возьмут остаток. Не для того, чтобы сбить наркоману, а для того, чтобы, когда он окажется с визитом на дому у человека с болевым синдромом, использовать этот препарат по назначению. Это преступление по нашему законодательству!

Зачем?! Это ведь так просто – внести изменение в законодательство, чтобы обеспечить возможность превентивного назначения обезболивания. Ведь мы понимаем, что, если, например, у человека рак поджелудочной железы, – это рак, при котором может быть очень больно. Мы видим прогрессирование болезни. Не надо ждать, когда этот человек уже в третий раз вызовет скорую, и скорая будет ехать к нему в деревню из города Ростов-на-Дону, и все равно не обезболит его, потому что нет подтверждения диагноза, не обследовался наш пациент... Или скорая его не обезболит, потому что у нее нет препаратов. И этот пациент начнет звонить на горячую линию Росздравнадзора, как это обычно происходит, или на прямую линию к Путину, как это было в этом году. Я сидела на этой прямой линии оператором на телефоне, и мне поступали такие звонки. Надо банально внести изменения в закон и разрешить назначение сильнодействующих обезболивающих препаратов превентивным образом, до того, как заболело, на основании диагноза и прогноза, как это делают во всем мире.

Почему это можно делать в стоматологическом кабинете, когда нам сначала вводят лидокаин, а потом начинают сверлить зуб? Почему это можно сделать в операционной, когда нам сначала дают наркоз, а потом разрезают брюхо? Давайте наоборот – сначала разрежем, может, не заорет? А если уж заорет, ну тогда обезболим. Это же то же самое – боль в конце жизни. Почему для назначения морфина я должна ждать, пока боль достигнет такого уровня?! Это же называется фашизм!

Так что по делу с этой мамой нельзя радоваться, что ее отпустили. Надо ужасаться, что эта ситуация вообще была возможна.

Я могу вам абсолютно ответственно сказать – я поговорила с кучей медиков, когда обсуждали это дело, и задавала им один вопрос, не провоцируя ни на какие признания: как вы считаете, сколько медиков в стране можно посадить на основании того же обвинения, что у мамы, по той же статье. Еще раз говорю – по формулировке сбытом является передача и дарение. И мне все врачи говорили – ой, тысячи! Тысячи! Тысячи!

Ссылка на оригинал: <https://riafan.ru/1082833-nyuta-federmesser-mertvye-ne-smotryat-futbol>